

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

В спецвыпуске «Вестей» публикуются материалы, представленные на конкурс, посвященный 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Приложение к газете «ВРЕМЯ»

№67 (59-10083)

20 апреля 1995 года

Цена свободная

Вести

Администрации г. Ангарска

50-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается

род, сердце Кубани, Виола с мамой ждали обещанную машину от мелькомбината. До последней минуты ждали, но о них забыли, машина так и не пришла. А немцы уже входили на окраины города. Пришлось прятаться по окрестным хуторам, ночуя то в огородах, то в поле. Но обе женщины, полуоголенные, плохо одетые, пробирались к своим, догоняя отступающие части Красной Армии.

«Через годы, через расстояния», вспоминая эти события, невозможно сдержать слезы и унять боль в сердце. И снова маме с дочерью повезло: остались живы и даже не были ранены, хотя и попадали в такие переделки, что, казалось, не уцелеть. Помогали местные жители, укрывавшие их и делившиеся с ними последними крохами еды, ведь немцы и румыны обирали жителей хуторов и станиц до нитки.

покрывала крапивница - нервы не выдерживали. Плакала от жалости к парнишкам, уходя на кухню. А если сама что-то и перехватывала из еды, ей тут же становилось плохо. «Батя» как-то руки ее увидел да застал Виолу, когда от нервных напряжений ее просто «выворачивало наизнанку». Поспрашивал у поваров, узнал, что Виола отдает свою еду офицерам, а «нервная» аллергия у нее оттого, что сильно все принимает к сердцу, жалея военных. И из столовой ее на время перевел, поговорив по душам.

В 1944-м отделение прифронтового госпиталя вслед за наступающими частями Красной Армии продвигалось на запад. Боялись отчаянны, и поток раненых не прекращался. Виола успевала помогать и на кухне, и в прачечной, видя, как выбивается из сил немногочисленный состав поваров и прачек. Выздоровливающие возвращались в строй, тяжелораненых отправляли в тыл, и все они обещали сохранить в сердце и памяти воспоминания о темноволосой и кареглазой санитарке с красивым и звучным именем Виола.

Четвертая воздушная армия под командованием генерала Вершинина в

• Старицын Виктор Георгиевич, член общественного совета Ангарского музея Победы

Тыловой бизнес

Лета 1944 и 1945 годов в Чите были очень жаркими. Существующий центральный рынок кормил в войну большинство читинцев: люди продавали друг другу все, что только можно было. Сам базар, как мы тогда называли, был обнесен глухим зеленым забором. В жару, без ветра, на этой «сковородке» дышать было нечем, и все равно люди пеклись и торговали. Раньше на этом месте (говорили старожилы) стояла красивая деревянная церковь. С приходом ленинизма ее безжалостно развалили и сровняли с матушкой-землей. Образовался в середине жилого массива огромный пустырь, и в 30-х годах власти решили построить на этом месте рынок.

Сколотили несколько длинных деревянных прилавков с козырьками, а неподалеку из прочных бревен в два ряда сделали длинные-предлинные коновязи. В Чите, как и во многих городах в те годы, популярным транспортом до войны и в войну были лошади. На рынок приезжали с периферий на телегах, привязывали лошадей вожжами к коновязи, надевая на морду кошелку с овсом или ароматным сеном. Говорили так: если кто приехал на рынок на лошади, то это богатый человек. Как, например, сейчас, кто приезжает на «Мерседесах»..

Чита в те годы не уступала по жаре Ташкенту. Базар блистал многонациональными азиатскими торговцами. Порой в рядах стояли укрытые паранджой узбечки и таджички в ярких полосатых халатах и в черных шароварах. Они продавали, как и сейчас, ароматные цветы и фрукты.

Летом вся наша детвора в

школу не ходила: каникулы. Пионерские лагеря в войну не работали, и, чтобы окончательно «не дойти» до сплошного голода, девочки и мальчишки в свободное от всяких домашних дел время толкались на рынке... и по своим способностям воровали у торговцев

что сможет. Где сумку с продуктами «уведут», где «пышный» кошелек из кармана вытянут. Даже детские рыночные «бригады» промыслом в толпучках занимались. Например, один или двое дотошно расспрашивают тетушку - что почем да сколько, а остальные корзинкой с яйцами завладеют или полмешка самосаду бесшумно из-под ее ног свистнут. Вот что значит война - кому мать родная, а кому и с головой...

Чтобы одолеть эту проклятую войну, надо было как-то пробиваться, где-то работать. А куда меня, подростка-недоростка, возьмут? Сильно тогда взгрустнулось мне, воровать я не умел, а

мальчишкам-воришкам завидовал. Думал я тогда, что ведь они и в кино каждый день ходят, деньги неплохие имеют, сыты, курят помидоры, девочки около них вертятся. Подростки-то подростками, а кавалерами себя уже считали. И заболело мое негрешное сердце: думаю, где и как денежки добывать? Мне ведь тоже хотелось какую-нибудь девочку завлечь, а чем? Полураздетый, бедный, босый без обувики с раннего лета и до самых холодных дней...

Как-то захожу на свой рынок морально убитый, голодный и вижу - тетеньки продают из своих ведер обычную колодезную воду, холодную, чистую. Публика тогда от жары угорала и с удовольствием утоляла жажду этой водой. В войну не было никаких ларечков для продажи прохладительных напитков. Я тут же прицепился, ну а в следующий жаркий воскресный день, прихватив с собой младшую сестренку Ниночку в помощники, взял ведро с солдатской эмалированной кружкой, талоны и отправился на рынок. Кстати, без талонов на воду ведра не наполняли, а талон стоил три копейки за 2 ведра. Всего полведра-то мы с девочкой и могли донести к месту продажи. Сестренка была маленькая, худенькая и ей было очень тяжело ходить по глубокому горячemu песку.

Продавал я свою воду по рублю за кружку, и около меня всегда была очередь. Тетки злобно ворчали - я перебивал покупателей. Мы с сестренкой не успевали бегать за водой, к счастью, водокачка была рядом. Принесем - и у нас ее тут же разберут. Вот так я в детстве в войну разбогател.

Каждый день ходили в кино, детский билет на дневной сеанс тогда стоил десять копеек. Ели вкусное-превкусное мороженое, большая порция стоила 50 копеек, морс стоил 3 копейки стакан, он был очень вкусный и ароматный, из клюквы. Даже стали есть шоколадные конфеты, всяческие бисквиты, пирожное, в карманах моих появились хорошие деньги по тем временам - от проданной воды.

Ну а мечта моя завести какую-нибудь девочку так и не сбылась. Ее мне заменила любимая в детстве и дорогая сестренка Ниночка. И если бы сейчас, под старость лет, приснился мне сон о моем бизнесе на воде, я бы сам себе не поверил...

Но это были далекие уже военные годы, жестокость, суровость и голодность научили тыловых детей непредсказуемым способом выживания. Но нашим детишкам такой марафон не нужен. Пусть будет мир и счастье.

Юность... через годы, через расстояния

Пятьдесят с лишним лет прошло с тех незабываемых горьких событий, а память хранит их...

Конец июня 41-го. Небольшой причерноморский городок Аккерман, воспетый М. Горьким в его романтическом рассказе «Макар Чудра». Выпускники местной гимназии, и среди них Виола Рубинштейн, одна из лучших учениц, готовились к выпускному вечеру. Война вторглась неожиданно и страшно... Вместо выпускного бала вчерашние гимназисты помогали беженцам из недалекого Овидиополя, среди которых были и раненые. Бомбежки и пожары, гул канонады, самолеты со свастикой, идущие курсом на Одессу. А вскоре - быстрая эвакуация из родных мест, почти без вещей и денег. Успели взять только небольшой чемоданчик с наскоро затолкнутой одеждой, да мама захватила пальто.

С потоком перепуганных, плачущих людей, в ужасе бежавших от наступающих немцев, Виола с мамой на чем попало чудом добрались до Одессы. Город бомбили, полыхали пожары. Весь город забит беженцами. Спали в парке на лавке, июньские ночи там теплые, мамино пальто служило одеялом.

Враг окружал город. Люди в панике покидали его на чем могли. Особенно много народа было в порту. Виоле с мамой с трудом удалось попасть на один из последних кораблей, покидающих горящий город: поток обезумевших от ужаса людей - женщин с детьми и стариков - увлек их к сходням и внес на палубу. Тут, на палубе, еле нашлось для них место. И опять пальто мамы вместо постели. Так и осталась в памяти Одессы, горящая, полуразрушенная, но не сдающаяся.

Что их ждет дальше - никто не знал. К счастью, добрались живыми до Новороссийска, а оттуда на перекладных - в Краснодар. Документы были при них, а комсомольский билет Виола хранила как зеницу ока и сумела уберечь его во всех перипетиях.

С трудом устроились работать на мелькомбинат, армии были нужны мука и фураж. Когда наши покидали этот го-

род, сердце Кубани, Виола с мамой ждали обещанную машину от мелькомбината. До последней минуты ждали, но о них забыли, машина так и не пришла. А немцы уже входили на окраины города. Пришлось прятаться по окрестным хуторам, ночуя то в огородах, то в поле. Но обе женщины, полуоголенные, плохо одетые, пробирались к своим, догоняя отступающие части Красной Армии.

«Через годы, через расстояния», вспоминая эти события, невозможно сдержать слезы и унять боль в сердце. И снова маме с дочерью повезло: остались живы и даже не были ранены, хотя и попадали в такие переделки, что, казалось, не уцелеть. Помогали местные жители, укрывавшие их и делившиеся с ними последними крохами еды, ведь немцы и румыны обирали жителей хуторов и станиц до нитки.

Погибла крапивница - нервы не выдерживали. Плакала от жалости к парнишкам, уходя на кухню. А если сама что-то и перехватывала из еды, ей тут же становилось плохо. «Батя» как-то руки ее увидел да застал Виолу, когда от нервных напряжений ее просто «выворачивало наизнанку». Поспрашивал у поваров, узнал, что Виола отдает свою еду офицерам, а «нервная» аллергия у нее оттого, что сильно все принимает к сердцу, жалея военных. И из столовой ее на время перевел, поговорив по душам.

В 1944-м отделение прифронтового госпиталя вслед за наступающими частями Красной Армии продвигалось на запад. Боялись отчаянны, и поток раненых не прекращался. Виола успевала помогать и на кухне, и в прачечной, видя, как выбивается из сил немногочисленный состав поваров и прачек. Выздоровливающие возвращались в строй, тяжелораненых отправляли в тыл, и все они обещали сохранить в сердце и памяти воспоминания о темноволосой и кареглазой санитарке с красивым и звучным именем Виола.

Четвертая воздушная армия под командованием генерала Вершинина в

составе Второго Белорусского фронта, возглавляемого маршалом Рокоссовским, с боями продвигалась на запад. И следом за ней отделение прифронтового госпиталя и комендатура авиаагарнизона. Незабываемые дни кровопролитных боев под Кенингсбергом. Несколько поток раненых. Дым пожарищ, бомбёжки. День сливался с ночью... Медаль «За взятие Кенингсберга» - память об этих днях. Но самая дорогая награда для Виолы - почетный знак «Отличник санитарной службы», врученный в торжественной обстановке.

До Берлина их 4-я воздушная армия не дошла совсем немного. Долгожданный светлый День Победы встретили на немецкой земле в глубине поверженной Германии. Вспыхнувшая радость победы жива в памяти и теперь, 50 лет спустя. До глубокой осени 45-го работала в госпитале Виола Рубинштейн. В родных местах шла мирная жизнь, и теперь ей хотелось осуществить свою давнюю мечту - учиться в вузе. При содействии «бати» она уволилась из госпиталя и вместе с мамой уехала во Львов, где стала студенткой политехнического института.

Память о военных годах - медали «За победу над Германией», орден Отечественной войны и юбилейные медали молча хранят через годы, через расстояния боли и горечь военной поры и радость Победы.

Ветеран труда Виола Абрамовна Розинова - одна из первооткрывателей Ангарска: 45 лет живет она в нашем городе. Инженер КИПа и автоматики, она добрых десятка лет отдала работе на комбинате-16 (так называлось в те годы АО АНХК) и почти 30 лет трудилась в опытно-конструкторском бюро автоматики, связь с которым не прерывается и теперь. И сегодня, в преддверии большого праздника - 50-летия Победы - портрет В.А.Розиновой висит в вестибюле ОКБ рядом с другими ее коллегами, прошедшими трудные дороги войны.

Л.ШИНАЙКО.

• Михаил Мартыненко,
ученик 8 «а» кл. шк. № 5 г. Ангарска

Дядя Вася - мой старший друг

В Октябрьске, на родине моих родителей, живет один дедушка, наш сосед. Зовут его дядя Вася. Он ветеран войны и пенсионер, признающий всего два праздника: День матери и День Победы.

Я его очень люблю за то, что он открытый, прямой человек, все еще верящий в Советскую власть и в наше «прошлое правительство». Дядя Вася считал бы себя счастливым, если бы не было той, Великой Отечественной войны. Она, как тень, неотступно следует за ним.

Начал войну Василий Иванович рядом, затем был сержантом. Его несколько раз ранило, контузило, он перенес сложную операцию. Однако этот сгорбленный временем, ранами и спиртным человек никогда не унывает.

О войне мой знакомый рассказывать не любит, но, когда он «навеселе», я подсаживаюсь к нему послушать о битве за Сталинград, о его боевых товарищах, о ранениях, госпиталях. Как здорово услышать о прекрасном послевоенном времени и о людях, по его мнению, достойных жизни! Такие минуты у него «открываются» душа. Как и

всякий старик, он любит преувеличивать. Дядя Вася совершенно безграмотный, но это ему никого не мешает, а в моих глазах его не привлекает. Ведь это удивительной доброты и щедрости человек, бесконечно любящий тайгу и рыбаку. И поэтому, когда у меня нет крючка, лески, я иду к нему - уж этим «доброму» он меня не обидит. С самого детства брал меня добрый старик в лес с нюхачкой, много рассказывал о зверях и о растениях. Я никогда не смог отблагодарить его за мои самые счастливые дни, проведенные с ним.

Не забуду я и тот страшный день, когда он, будучи в нетрезвом состоянии, полез каться в прорубь. Вся деревня собралась поглядеть на это «чудо». Мне стало стыдно и жалко старика, я тихонько подошел к нему и попросил выплыть из ледяной воды. «Новоизвестный морж» смущился, увидев меня, и тотчас начал одеваться.

Мои родители хотели помочь ему с житейскими проблемами, но дед с гордостью отказался.

В трудные для меня минуты я всегда иду к дяде Васе, открываю ему свою душу, а он, в свою очередь, наставляет меня на путь истинный.

Я очень уважаю этого человека и благодарен судьбе за дружбу с ним!

• Екатерина Игнатович,
ученица 8 «б» класса школы-гимназии № 8 г. Ангарска

Фотография 1944 года

Писать о войне сейчас больно. Трудно. Ответственно. Больно, потому что никогда не перестанет кровоточить память русского народа, как вечно истекают кровью раны Христа, принявшего муки и смерть за людей. Трудно, потому что не найти таких слов, которые воскресили бы двадцать два миллиона жизней и облегчили горе людей, потерявших своих близких. Ответственно, потому что и сейчас страшный лицо войны смотрит на нас с телекранов. Но не писать нельзя.

Передо мной фотография 1944 года «Узники фашизма». Ее автор, Г. Санько, запечатлев на пленке ужасный символ войны - маленькие бледные лица, перечеркнутые черным зигзагом колючей проволоки. Смотреть на эту фотографию очень тяжело, это все равно, что смотреть в глаза голода, страха и смерти. Детские ручонки, худенькие и беспомощно доверчивые, держатся за оскал проволоки, как держались бы за руки матерей, братьев, отцов. Глаза малышей, еще не утратившие детского любопытства, смотрят на нас из темного провала глазниц.

Особенно поражает меня лицо маленькой девочки, которая растягивает бледные губы в вымученную улыбку. Я уверена, что все, кто хоть раз видел эту фотографию, почувствуют боль этой девочки и запомнят ее. Да, только ребенок мог улы-

баться среди этого ада, только малыш мог надеяться на чудо: вот сейчас дяденька с фотоаппаратом даст кусочек хлеба, а может быть, мама увидит это фото, приедет и заберет; а вдруг скоро победа и все поедут домой? Хотя, наверное, не все дети узнали, что такое победа...

Фотография эта черно-белая и, похоже, любительская. На ней мало полутона, она контрастна, как контрастны жизнь и смерть. Изображение стоящих позади детей расплывается, как будто объектив фотоаппарата затянула пелена слез. По этим худеньким лицам, вернее, лицам маленьких мучеников, нельзя определить, кого коснулся перст судьбы, кому удалось выжить, а чьи глаза давно засыпал песок общей могилы. Одно я понимаю твердо: это фотография не 1944 года, она вне времени, как вне времени горе, причиненное войной.

Зачем я пишу об этой фотографии сейчас? Да потому, что Афганистан и Чечня были уже в моей жизни. Войны за правительственные амбиции, за фальшивые лозунги. Кровь, пролитая не на алтарь справедливости, а в грязь политических разборок. И будущее России - 18-20-летние мальчики - в цинковых гробах.

Многие задают себе вопрос: «Почему Бог, который все видит, допускает этот кошмар?» Но нельзя списывать ни Афган, ни Чечню на волю Всеобщего. Я, ты, все мы вместе во имя памяти погибших должны сделать так, чтобы войны на Земле были забыты. И в этом мы ответственны перед детьми на фотографии 1944 года, перед Отечеством и перед Богом.

А недалеко и впрямь шло веселье, ликование: слышны были наши песни над развалинами поверженного Берлина. Все ближе и ближе слышна песня, которая всю войну была с нами рядом, как-то по-особенному звучали certaine слова запевала:

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,

Отребью человечества
Скототим крепкий гроб!

И подхваченный всем идущим строем ее
могучий припев:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Проходят подразделения всех родов войск. Одна из воинских частей переходит из одного района города в другой. Четким шагом проходят солдаты от Королевской площади в сторону Бранденбургских ворот. Еще не смолкли грозные слова «Священной войны», как другие воины дружно запевают знакомые с детства слова:

Кипучая, могучая,
Никем не победимая,
Москва моя, страна моя,
Ты самая любимая!

На празднике 9 Мая. Фото: ЗУБКОВОЙ

• Алексей Иванович Медников,
участник войны с Японией

Смерть Куранова

не выяснил. На меня будто кипятком плеснуло.

Ведь я шел за ним! Он принял мою смерть?

Он ушел из жизни тихо,

Не сказал от боли: «Эй!..»

Как было за него обидно.

Он принял смерть мою!

Похоронили его в сухую каменистую землю.

Отдали почести, а жене, детям в родной дом полетела страшная, непропавшая весть.

И снова шли. Усталость была так велика, что казалось, будто солдатские доспехи врезались в тело. И боль в ногах. Клонило ко сну. Мы шли и смотрели себе под ноги. И была тишина. Вдруг с левой стороны - взрыв. Повернули головы, увидели падение земли и расстилающуюся по земле пыль. Комбат Морозов, подъезжая к роте верхом на коне, принес неожиданную весть:

- Мильченко! У тебя Медников подорвался.

- Опять хоронят, - подумал я, услышав свою фамилию. А на душе стало противно.

- Медников! - громко крикнул ротный.

- Я!

- Товарищ капитан, Медников мой в строю.

- Передать по цепи! - скомандовал комбат. - Надо выяснить. Откуда тот Медников?

Тут же упали на землю. Я приподнял ноги кверху, чтобы не было отеков. Рудов побежал смотреть на мою «жертву». Вернулся грустный, печальный. Задыхаясь, скорбным голосом сказал:

- Ах, Леша, Леша! Оставил рожки да ножки...

«Вот тебе смех и горе. Смех, что покойником считают, а я живой. А горе, что губы в коростах».

Парафакс войны? И я стал суроее к себе, чувствительнее. Почувствовал запах земли той разрытой «могилы». Прозинес:

- Ильюха! Рано хоронишь меня!

Глаза его забегали от радости, губы зараждали.

- Алексей! Как же так?! Копия... Такой же рыжий! И ростом небольшой. Как я рад, Леша-

ка!

Я почувствовал себя неудобно, с испугом посмотрел на друзей. Что, снова обо мне? И вспомнил ночное... А ведь миновала смерть.

Может быть, именно в такие минуты и рождается что-то во мне? И появляется гордость, радость. Иногда стихами говорится... И как бы ни было горько и тяжело, до сочинения ли стихов? Но солдат всегда солдат. В тяжелую минуту не падает духом. А все-таки было стыдно перед товарищами. За однофамильца.

Но каждый трогал меня за плечо:

- Молодец, Алексей.

Жизнь продолжалась. Продолжалась и война. Мы шли к Хингану. И рядом со мной шел друг детства Степан.

- Леша, как я рад! Как услышал, трудно было верить. И сказал себе: не может быть. Это на него не похоже... Молодец, Леша! Надо же... Как я волновался за тебя. Теперь жди третьего. А третий может стать роковым...

Подстегиваемая жаждой и стремлением поскорее добраться до озера колонна шла ускоренным шагом. Солдаты шли уставшие, измученные. И мои силы стали слабеть.

Что же со мной? В глазах потемнело, и меня потянуло на землю. Было такое чувство, как будто я падаю в яму.

Пришел в сознание под плащ-палаткой в стороне от идущей колонны. Сквозь туман старились вырисовываться знакомые и незнакомые лица:

- Попей, милый. - Медсестра поднесла фляжку с водой.

Когда окончательно пришел в себя, увидел, что передо мной стоит мой земляк сержант Кулнич. Он протирал пальцами свои глаза:

- Да это же... Мой земляк! Как это понять? Ночью Медников... Вчера днем у отравленного колодца опять Медников подорвался. И тут вижу тебя. Как я рад, что ты жив. Теперь колом не убить!

Я встал и пошел догонять своих.

• Антонина Грибанова

Победную весну

Разруха не затмила!

Страна цвела и пела, и бурлила.

Объятия и глаза...

Оркестров трубы.

Истошный крик...

Сухие губы:

Где же вы, мои кровинки...

Слова и слезы.

Дорог развилики!

Все хваткие войны дела.

А женщина всегда основа.

«Что дальше?» - думает суперво.

Работала,

Работать...

Жизнь без ласки...

Победы день -

Триумф солдатский.

А ей от песни разрыдались...

Составы провожать...

Больные илечить руки.

И долго ждать.

И вздрагивать при звуке!

• Василий Яковлевич Воронков,
участник войны

Победители ликуют! И поют...

Первые числа мая 1945 года. Из оконных проемов уцелевших домов Берлина выброшены белые флаги и флаги, кругом огромные груды кирпича и щебня от развалившихся зданий - очень приятное зрелище для нас, победителей. На стенах и колоннах разбитого рейхстага уже начертаны первые русские слова: «Иванов», «Панфиловцы», «Мы из Ленинграда», «Мы из Сибири», «Смерть фашизму!», «Миру-мир». Писали все, кто ступил на порог этого ненавистного здания. Писали карандашом, гвоздем, осколком снаряда, ножом. И много, очень много надписей сделано нашим советским крепким трехгранным штыком - это наивеки!

А в памяти встает тяжелый 1941 год, когда опьяневшие легким успехом в Западной Европе гитлеровские полчища черной смертью нахлестали над нашей страной.

Потом были первые громовые раскаты наших прославленных «катюш», первые скрещительные удары наших войск под Москвой и первые радости советского народа: мужественные защитники Ленинграда - колыбели революции, великая битва на Волге, битва на Кавказе, Орловско-Курскую битву и скрушающие удары Красной Армии в 1944 году.

А на улицах и площадях Берлина грохот канонад постепенно смолкает, уже нет шквального пулеметного огня, не сбрасывают бомбы наши самолеты.

Вот она, долгожданная тишина! Тишина без выстрелов, без пронзительного воя сирен, без стонов раненых... Великая тишина! Как долго мы ее ждали! В каких тяжелых боях мы ее добывали, отвоевывали у ненавистного врага! 1418 тяжелых дней и ночей потеряла нация Родина в этой проклятой войне...

Как долго мы заплатили за эту долгожданную тишину!..

Конец! Радость! Хотелось выйти на площадь, встретить своих боевых товарищев и во весь голос воскликнуть: «Ура! Победа!» и вместе с боевыми друзьями радоваться, смеяться, петь,

• **Дарья Смолина,**
ученица 8 «Б» кл. шк. № 1 г. Ангарска

Кто сказал, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Ю. Друнина.

В самом центре поселка Китоя,
Как бы в центре огромной земли,
Стоит памятник павшим героям,
Только вот молчаливы они.
Каждый раз, возвращаясь
из школы,

Я читала на нем имена,
Возмущаясь, как все же жестоко
Обошлась с ними эта война.
Ведь они же так молоды были!
Жизнь любили, наверно, как я.
Их девчата, конечно, любили,
Будь же проклята эта война!
Не хочу, чтоб она повторялась!
Никогда! Никогда! Никогда!
Я хочу, чтобы солнце светило,
И чтоб я улыбалась всегда!

Победители. Фото Л. ЗУБКОВОЙ.

-1-

Уже несколько дней подряд идет густой крупный снег, валит и валит без устали. Где-то среди неоглядного белоснежья почти затерялся маленький сибирский поселок Большоеокинск.

Никто из его обитателей не знает, кто дал такое название. Может, какой-нибудь умный веселый странник проходил здесь однажды и увидел приземистые домишко, растянувшиеся вдоль речушки в один ряд, так и назвал его в насмешку - Большоеокинск.

Долгие годы стоит поселок и, попыхивая дымками труб, живет своей настороженной, связанной со всем миром жизнью. А в мире творится что-то неладное. И хоть сюда доносятся всего-навсего обрывки больших событий, поселок все чаще и чаще начинает чувствовать тревожную, щемящую боль в сердце.

В это неспокойное время, не считаясь с мировыми событиями, появился на свет с громким криком мальчонка.

Молодой учитель переполнен нахлынувшей на него радостью. Подпрыгивая, он ходит по горнице, то и дело восклицая: «Сын! У меня родился сын!» - И, не совсем веря своему счастью, побегает к жене, благодарно и крепко целует ее.

Нет предела отцовской радости. Нет предела материнскому счастью.

-2-

К Сергею Ивановичу Ефимову, учителю большеокинских ребят и очень счастливому отцу, война поступалась пятого июля тысяча девятьсот сорок первого года. Пятого августа тысяча девятьсот сорок перво-

го года его не стало. Мать, Светлана Ефимова, не теряя времени на долгие сборы, ушла вслед за мужем защищать Кольку.

«Коленка, когда вырастешь, поймешь, что я не могла сделать иначе. Все поймешь, сынок. Не сердись, Коленка, за то, что я оторвала тебя от молочной груди, ушла на фронт. Я пошла воевать за твою жизнь.»

Остался Колька с бабушкой и дедом, потому что и дядя Вася, мамин брат, тоже ушел на фронт с первым звоном походной трубы. Стала Кольке бабушка мамой Дарьей, а дед - тятей Осипом.

-3-

Телеграфные столбы, голенасные, длинные летом, зимой становятся маленькими, с огромными снежными шевелюрами наверху. Если бы не провода с угрожающим гулом, Колька надел бы деда Осипа опорки, выбежал бы на улицу и сшиб белые шапки с зазнак-столбиков. Но Колька не может этого сделать. Во-первых, никаких опорок у тятки Осипа нет, во-вторых, Колька еще такой маленький, что его даже маломальски взрослая ворона может унести куда угодно. Он знает об этом и не возмущается. Колька ждет своего времени - весны. Вот тогда он нагуляется, поест досыта с друзьями мороженой сладкой картошки. Ах, какое это лакомство!

Каждый по-своему входит в жизнь. Колька вошел в нее через окно.

-4-

На дворе стоял май. Дед Осип выставил оконные рамы, и в горницу ворвался непоседливый, как и Коль-

• **Анастасия Дутова,**
ученица 11 класса шк. № 11 г. Ангарска

Люди гибли - шла война,
Снова ужас нагоняя,
Словно смерть сама, она
Шла, следы не заметая.
Гибли люди. Чей-то муж,
Может, сын или отец
Среди крови своей луж
Шепчет горько: «Все, конец!»
В это время там, в тылу,

Дочь, жена, сестра или мать,
Со щеки смахнув слезу,
Терпеливо будет ждать.
Ждать, что он вот-вот войдет.
Но однажды почтальон,
Спрятав взгляд, к ней
в дом войдет,
Даст ей похоронку он.
Люди гибли. Смерть гуляла.

Не одна жена или мать
Мужа, сына потеряла
Или перестала ждать.
Сколько с фронта не пришло,
Сотни пострадали судеб.
Сколько лет с тех пор прошло,
Но никто забыт не будет.

Ветераны Ангарска. Фото Л. ЗУБКОВОЙ.

ка, веселый, пахнущий молодой травкой ветер. Колька почувствовал его присутствие после того, как ветерок, пробравшись сквозь дырки латанных-перелатанных штанишек, озорно защекотал тельце. Кольке ра-

ет яростно помешивать смолу в ведре. Вскоре он почувствовал: сегодня из него неважнецкий работник. Мысли в голове путаются, одна мысль опережает другую. Дырявые штаны. Солдаты... Фашисты...

и спросил об этом тятю.

- А это значит «каюк», ядрена корень, Гитлеру и всем его кобелям, - объяснил тятя Осип, слушая каждое слово дяди Васи, письмо которого читала Анька-почтальонша.

• **В. Кузнецов, сотрудник шк. № 6 г. Ангарска**

КОЛЬКА

(рассказ)

достно от хорошего дня и обидно за дырявые штаны.

Он вскарабкался на подоконник и нечаянно задел ножкой горшок с цветком, который разбился вдребезги.

Ну, шельмец, что ты сделал? - входя в горницу, спросил тятя Осип. Затем он подошел к Кольке, снял сильными жилистыми руками с подоконника и припечатал ладони к выпуклостям, где особенно вырисовывались белые места, в которые дул ветер.

Но Колька сдержался, в свои четыре года точно знал - мужчине плачать не пристало. Поэтому он, удерживая слезы, низко опустив голову, спросил:

- Тятя, за че ты меня отлупцевал?

А тятя Осип уже выходил из горницы. Услышав Колькин вопрос, он обернулся и, хотя у него к сынику появилась жалость, не показывая ее, ответил:

- Потому что ты, Колька, дурачок. Неужели ты не знаешь, что мужчине не следует быть бабой. Эх, Колька, Колька, когда ты ума наберешься, когда поймешь, что к чему.

Тятя Осип считал Кольку настоящим мужчиной, поэтому разговаривал с ним как равных с равным.

- Ты вот сидишь, понимаешь ли, здесь, в тепле, а там, далеко-далеко, воюют и умирают за тебя солдаты.

Он подошел к Кольке, взял его за худенькие бока и посадил на тот же самый подоконник.

- Погоди, сынок, добьем фрица, залатаем дыры, тогда нам будет легче, - закончил тятя. И, одернув рубаху, перехваченную ремнем, позвал Кольку во двор конопатить лодку.

Колька следует во двор и начина-

-5-

Колька почти каждый день дерется с тетки Нюркиным Сашкой. Драки происходят не из-за Колькиного неживчевого характера, а потому, что Сашка, как только увидит Кольку, отра на весь поселок:

- Твоя мама Дарья не твоя мама. Твоя настоящая мама тебя бросила. Ты ей совсем-присовсем не нужен.

После этих слов Колька медленно, заложив руки за спину, - выплытый тятя Осип, - подходит к оратору, и не успевает тот сказать следующее слово, бьет Сашку кулаком. Начинается потасовка, которую прекращает тятя Осип. И здесь уже достается и победителю, и побежденному поровну. На следующий день все повторяется.

Но сегодня Сашка, увидев Кольку, ничего не кричит. И Кольке не хочется драться, потому что он знает о том, как вчера после ухода Аньки-почтальонши Сашкина мать выбежала из избы и на всю улицу заголосила:

- Родные вы мои сиротинушки! Как же вы теперь без тятеньки жить будете...

-6-

Колька знает почти все на свете. Только одно ему не совсем известно: правда ли, что где-то идет война? Но он давно уже заметил, что мужчины в поселке почти нет. Куда же они подевались? И ихнего дяди Васи нет. Колька его почти не помнит, но все равно знает, что он на каком-то фронте. Еще он знает, что война скоро окончится, потому что от дяди Васи пришло письмо. Он писал: «Находимся мы в самой фашистской берлоге, скоро Гитлеру будет капут».

Что такое «капут», Колька не знал

- Ничего, Колька, осталось немножко ждать. Вздернут его, лихоманка его задери, на осиновом суху.

Тятя говорит сложные, непонятные слова, и Колька, удивленно хлюпая глазенками, заключает: «Если тятя так говорит, значит, так и будет».

-7-

Скоро война действительно окончилась. Солнце еще не успело взойти, как по всему поселку разнесся слух: ПОБЕДА! Женщины выходили из домов нарядные, заплаканные, но радостные! А вот Колькина мама из дома никогда уж не выйдет и плачет нарядного не наденет: как и отец, на войне погибла. Только Кольке об этом пока не сказывали - мал еще для горя такого.

Но вот в Колькином доме гости: дядя Вася вернулся! Колька сидит у него на коленях и, не отрывая взгляда, смотрит на многочисленные ордена и медали. Затем дядя Вася ставит племянника на пол, подходит к вешмешку и вынимает из него кусок материи.

- Вот тебе, Коленок-постреленок, материя на новые штаны, здесь ее хватит на двое штанов.

У Кольки перехватило дух. К горлу подкатился колючий комок, на глаза навернулись горячие капли. Он почувствовал легкую слабость во всем теле оттого, что его назвали таким ласковым именем и что у него будут теперь новые штаны.

Колька бросается к дяде Васе, крепко обнимает за шею, а потом, вспомнив о чем-то, робко спрашивает:

- Дядя Вася... Можно я Саше отдаю половину на штаны?

- Можно... Конечно, можно...

50-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается

О начале войны узнали только вечером: сообщили по радио. Тогда мы жили летом под Ленинградом, а как узнали о войне, уехали в свой город. И вот здесь ощущали, что такое военное время. Сразу началась работа, и никто не разбирался, сколько тебе лет: делали все. А в первую очередь начали расчищать чердаки от хлама и клетушек, где вешали белье. Белили известью, таскали песок, наполняли бочки водой. Тогда мы не были помехой взрослым, а были помощниками.

Началась эвакуация. Первым делом эвакуировали заводы. А старшеклассников стали увозить на окопы. В один день вся моя

Оглядывались, чтобы у них не отобрали. Кто посильнее, набирал в мешочки, приносил домой, заливали водой. Потом кипятили, процеживали через марлю и получалась горько-сладкая вода. В общем, если все, что можно и нельзя было есть. Я не перечисляю, что мы ели, это был большой список и вряд ли бы мне сейчас поверил...

А нельзя было есть почти все, что мы тогда ели, только лишь чтобы было в желудке. Отец мой слег от дистрофии, мат и две сестренки еще держались, а я еле передвигался. Но сестра, которая была в дружине, сказала: если ляжете в кровать и не будете ходить, хоть и через силу,

мы из-за этого здорово ругались, но потом поняли, что она была права.

Через 13 дней мы приехали в город Ярославль. Там нам сказали - дальше устраивайтесь сами. Нам повезло, ведь мы родились в поселке около Рыбинска и там еще осталась дальняя родня. В Рыбинске нас приняли как блокадных ленинградцев, дали бесплатное питание, взрослым на 15 дней, а мне на целый месяц. Сестра устроилась работать на завод; потом дали нам комнатку в павловских домах (так называли завод, который выпускал авиамоторы).

В июле мне исполнилось 14 лет, и я по-

Автор этих воспоминаний - МАСЛОВ Борис Алексеевич, родился в 1928 году, жил в Ленинграде, в 1942 г. эвакуировался в г. Рыбинск, в 1944 г. вернулся в Ленинград. В 1948-м призван в армию, в десантные войска, откуда мобилизовался в 1951 г. В этом же году приехал в Ангарск. Награжден знаком «Житель блокадного Ленинграда», орденом «Знак Почета», медалью «Ветеран труда».

семья - мама, пapa, две сестрени - уехала рать окопы, а я остался один. Тут начались налеты на Ленинград, а в городе остались почти только одни дети и старики, которых не взяли за город. И мы, дети, стали защитниками своих домов. Когда обвязывали тревогу, мы, двенадцатилетние, бежали не в бомбоубежище, а на чердак своего дома, чтобы защитить его от пожара. Ведь немец бросал зажигательные бомбы прямо ящики, и если попадали на дом эти бомбы, то их всегда было сразу по 10-15 штук. И надо было их гасить или выбрасывать на двор через слуховое окно. В первый раз, когда на наш дом упало сразу двенадцать штук бомб, мы растерялись: так страшно они горели. Но, думая о том, что больше некому помочь, мы начали их тушить так, как нас учили: половину специальными щипцами хватали и выбрасывали через окно, а остальные тушили песком с водой. Но все-таки это было страшно. Хотя потом мы уже не так боялись.

Тревоги следовали одна за другую. Мы не успевали спускаться с чердака, как снова звучала тревога. А в сентябре был и первый снаряд: он попал недалеко от нас в дом, а тревоги не было. И мы тогда этому удивились, правда, потом-то нам объяснили, что это был снаряд и потому никаких сирен не было - они летят издалека, снаряды. Так прибавился еще один страх: как узнать, когда и где упадет снаряд и что он может причинить...

На улицах, на стенах домов, стали появляться написанные краской надписи и плакаты, какая сторона улицы наиболее опасна, и люди стали ходить по одной стороне: только так они могли защитить себя от неожиданного попадания снаряда. Но беда не приходит одна. В Ленинград стали приезжать, приходить каждый день беженцы из-под города: больше бежать было некуда. Ленинград стал находиться как бы в кольце и спасение было только здесь. Тем более, что до войны говорили - в городе хватит запасов на десять лет, да и не только на Ленинград, но и на всю область. И вот в начале сентября эти хранилища «рухнули» - загорелись бадаевские склады, где были почти все запасы продуктов. Все сгорело, а на других складах питания осталось совсем мало. И тогда ввели карточную систему на хлеб и все остальное. Уже в сентябре начали убавлять норму хлеба, положение стало еще хуже. Не могли ходить корабли, а лед еще только вставал. И нам снова убавили норму хлеба.

И вот только начали перевозить по льду через Ладогу продукты на машинах, как новая беда: в начале ноября взяли город Тихвин, а это была последняя связь с большой землей и означало полную блокаду Ленинграда. С 13 ноября стали давать детям 150 граммов хлеба, в конце ноября - 125 граммов, а рабочим - 250. Но город жил и готовился к последнему штурму: строили баррикады, на первых этажах домов заделывали окна для установки пулеметов. Не было света, воды, отопления, люди умирали каждый день сотнями. А как мы жили в эти дни?! - страшно подумать даже сейчас, когда прошло столько лет...

Если все, что могли, все, что можно и что было. Я помню - нашел у отца клей. Какой вкусный был холдец из этого клея! Ходил на бадаевские склады, где тысячи ленинградцев искали сладкую землю: там, где хранились сахар, конфеты, после пожара земля им пропиталась. И вот люди пробовали землю, пробовали ее, плевались, пока не находили то, что нужно, - сладкую землю.

то уже не встанете, как отец. И вот нам с мамой было такое задание: приносить домой дрова, топить печку, носить воду, которая была далеко. Для нас это была тяжелая работа, носили из колодца по два литра воды, больше брать не было сил. Сестры понимали это, но старались спасти нас тем, что заставляли двигаться.

Мы уже не обращали внимания на бомбочки и обстрелы, как будто бы это нас уже не касалось, хотя горели целые дома, а тушить было нечем, не было воды, да и голод брал свое. На улицах, во дворах, в квартирах лежали мертвые и замороженные люди, ведь морозы доходили до минус сорока градусов! Людей возили на машинах, как дрова, складывали поленицами, чтобы не падали, и хоронили в братских могилах.

А какой тогда давали хлеб... Сейчас люди, наверное, плевались бы от такого хлеба. Рецепт был такой: отруби, жмых, целлюлоза, мякина, мука добавлялась для связки, чтобы хлеб не разваливался.

И вот пришла радость. В середине декабря наши освободили Тихвин, и снова сразу начали ходить машины через Ладогу. Мы стали ждать улучшения и дождались - стали давать по 200 граммов хлеба, а рабочим по 350 граммов. Но Новый год дали даже немного крупы, по 500 граммов хлеба и немного вина рабочим. Но дистрофия не кончилась от этой добавки, и люди продолжали умирать. В январе снова увеличили норму хлеба, а в феврале детям стали давать уже 300 граммов. И тогда же начали эвакуацию заводов и фабрик, а блокада, правда, так и осталась. Сестра сказала, что их фабрика эвакуируется.

Второго марта умер отец, он так и не встал с кровати. Отвезли его на пункт сбора мертвых. И вот 6 марта мы эвакуировались, в четыре часа утра пошли на Финляндский вокзал, шли пешком, хотя от нас он был очень далеко. Пришли только в 10 часов утра и подумали, что опоздали, так как надо было к девяти часам. А там опоздавших было много, ведь трамвай не ходил. На вокзале нам дали сразу по буханке хлеба, по 200 граммов пшеничного концентратного, дали обед - 400 граммов хлеба. А люди не поняли, что сразу нельзя столько есть, да и не могли просто удержаться, чтобы не наесться. И вот машины стали снова увозить по-континентальным: люди умирали от заворота кишок.

Должно было выехать пять эшелонов, а выехало ночью только четыре. Привезли нас тогда на берег Ладоги и стали грузить в открытые машины, а мороз заходил за минус тридцать, да еще ветер был сильный.

Нам посчастливилось: автобус привез раненых и нас к нам подсадили. Перевезли через Ладогу, поместили в церковь, там дали опять сухой паек, опять пшеничный концентрат и горячий обед. Я выходил из церкви и видел, как подъезжали эвакуированные и что там делались! Люди перевозили через Ладогу, машины подходили к церкви, и шофера говорили - спускайтесь. Но слезали с машин не все, были и замерзшие, тогда шофера увозили их куда-то.

Через два дня нас погрузили в теплушку (так назывались товарные вагоны с печками и нарами) и снаружи повезли. Ехали мы 13 дней. Однажды раз в сутки давали нам горячий обед. Но когда подъезжали к станции, на которой выдавали горячий обед, сначала из вагонов на площадки выгружали мертвых. Потому что концентраты были жиরными, люди не могли есть такую пищу из-за дистрофии и умирали. Моя мама верно делала, она снимала жир и выбрасывала, хотя

шел в ремесленное училище. Уже через месяц мы работали на заводе, где раньше ремонтировались паровозы, а во время войны стали делать бомбы, снаряды и мины. Работали, не выходя с завода. Это была очень тяжелая работа для нас, но мы не плакали, знали, что каждая бомба и мина, которую мы сделали, - это приближение к победе. Месяц, который работали на заводе, был очень тяжелый, спали где придется по 2-3 часа, мастер говорил, что через месяц отспимся, придет другая группа и нас заменит. Правда, нас меняли, но отыхать так и не приходилось. Надо было топить училище, общежитие и столовую. Почти все у нас в группе были из детдома, 15 мальчиков и 12 девочек, и нас трое городских. Мы должны были привозить по два кубометра дров каждый день с Волги, это шесть километров от училища. Дрова были сырье, мороженые, возили мы их на санках, которые делали сами. Возили на себе. Вот так жили и работали, не зря был лозунг: «Все для фронта, все для победы».

И вот дождались первой победы - под Сталинградом, а самая для нас главная победа тогда - это 27 января 1944 года, полное освобождение Ленинграда от блокады. Столько было радости, хотя сами в те дни там не были.

В конце февраля мы с мамой завербовались на работы по восстановлению Ленинграда и 5 марта 1944 года приехали туда, стали работать на Васильевском острове в ремонтконторе, которая начала восстанавливать разрушенные дома. И опять стали работать по 12 часов. Ленинградцы возвращались каждый день, у которых были разрушены дома, сверх своей работы ремонтировали общежития, где временно должны были жить люди. Ну а сверх всего этого были только поздний вечер и ночь. Тогда появился такой вот лозунг: «Восстановим и сделаем еще красивее, чем был, наш Ленинград!»

Война все дальше уходила на запад, и мы радовались каждой победе. И вот - ВЕСНА 1945 года! Мы восстановили уже несколько домов, а 8 мая начальник управления после обеда сказал, что скоро должны сообщить об окончании войны.

Всех собрали на митинг, погода в тот день была теплая, вынесли скамейки на улицу, стол, на него поставили радио и стали ждать, когда объявит победу. Но так до 5 часов вечера и не дождались. Управляющий сказал, что «что-то там не сработало». Мы все разошлись.

9 мая я включил радио в шесть часов

утра, тогда и передали, что кончилась война: в Германии подписали акт о полной капитуляции фашистов. Мы с мамой не поверили этому и поехали на работу, но доехали туда не скоро: впервые в Ленинграде через реку Неву остановили все движение, развернули мосты, и корабли Балтийского флота, ярко раскрашенные праздничными флагами, вошли в Ленинград и стали на якорь.

И когда мы уже были на работе, нас со-

брали всех в столовой и управляющий поздравил с Днем Победы и дал нам без карточек хороший обед. И неизвестно откуда выделили по 100 граммов водки. Потом отпустили домой и разрешили 10 мая не приходить на работу.

Вечером был салют, играла по радио

музыка, на площади Урицкого были танцы, все смеялись и радовались победе, вспоминая только хорошее. Хотя у всех была на

душе горечь за тех, кто не дожил до этого дня.

Около пяти тысяч ветеранов Великой Отечественной войны живет в Ангарске. Капля в море. И о каждом хочется сказать добрые слова. Сегодня наш рассказ о военном летчике Наташе Марковиче Гольберге. О человеке с большой буквы, о его семье. О том, как через годы прошел он со светлым чувством любви иуважения. Но в глазах его грусть...

В этот праздничный день - 9 мая 1994 года, День Победы, вся семья собралась за праздничным столом отца, деда, прадеда Наташа Марковича Гольберга. Вот они, родные, близкие люди, то основное богатство, которое далеко не каждый умеет сохранить, чье тепло, телефонный звонок, улыбка согревают, напоминая о том, что ты кому-то нужен. Хлопочет за праздничным столом супруга Элеонора Григорьевна, для Наташа Марковича просто Нора, для детей - мама, для внучек - бабушка, а для жизнеутверждающегося Игорька - прабабушка.

1 августа 1946 года, прогуливая всю месячную летнюю пайку, справили молодые Наташа и Нора свадьбу. И произошло это событие в солнечной

Много поколесили по стране, любили путешествовать, с ветерком прокатиться по Москве на такси, проследить за полетом быстрокрылой чайки за бортом теплохода.

И работа: Наташа Маркович - в УПТК (одно из подразделений Ангарского управления строительства, ныне СПАО АУС), Нора Григорьевна - в воинских частях.

В их доме много книг, и не просто книги, а подобранные с любовью добрых друзей и советчиков. Жизнь замечательных людей, военные мемуары, подлинные собрания классиков, множество интереснейших журналов, компактная композиция, посвященная творчеству любимого поэта Элеоноры Григорьевны - Владимира Высоцкого.

Уютно и празднично в двухкомнатной с высокими потолками квартире. Правда, не звучит уже гитара в руках Элеоноры Григорьевны, подарила внучке, но неспешный разговор, улыбки, лепет малыша - это ли не счастье в бушующем непонятными страстями мире?

Сын Юрий - кандидат наук, ведущий научный сотрудник Института био-

Жизнь продолжается...

Одессе, где, невзирая на разруху, черноморский прибой вносил в душу успокоение и надежду.

48 лет - как сон, как явь, как один день. И не остановить неумолимый бег времени. И всегда они вместе, всегда рядом.

Чуть-чуть в тени Наташа Маркович, и всегда на переднем плане Элеонора Григорьевна. А как же может быть иначе, рассуждает Наташа Маркович, женщина в силу своих природных данных - лидер.

3 декабря 1941 года, за две недели до 18-летия, в летной книжке Наташи Гольберга появилась запись: «Разрешаю самостоятельный вылет».

Начало войны совпало для Наташи с окончанием «на отлично» военно-морской спецшколы, но стране нужны были летчики, и вновь напряженная учеба в Ростовской летной школе, затем как ступенька повышения летного мастерства - Кировабадская летная школа. И грозное, громовое небо Второго Украинского фронта. На разных типах самолетов летал Наташа Маркович, боевой машиной стал американский бомбардировщик «Бостон». Сеяли смерть, отстаивали жизнь, в коротких промежутках между боями жили полноценной жизнью молодых, ведь молодость, как любая веха, в жизни одна.

Накануне 9 мая 1994 г. я побывала в гостях у Наташи Марковича и Элеоноры Григорьевны.

Мы листали летные книжки, рассматривали военные фотографии с улыбающимися молодыми лицами. В аромат кофе нежно вплетался запах свежеиспеченных булочек, и этот запах ванилина почему-то напоминал детство, придавал нашему разговору уют и доверительность.

Небо Чехословакии, Румынии, Австрии, Венгрии ... Сколько небес пройдено, сколько фронтовых друзей потеряно. Май 1945 года - бездонное небо Братиславы. Конец второй Отечественной.

В 1960 году приехали в Сибирь. Новый город. Новые друзья. Но каждый год непременно, хотя бы на несколько дней, заезжали в Одессу.

Л.НИКИТИНА,
журналист.

